Арх-4540а
21049
3/4
CB155
.V5

Педагогическое Общество, состоящее при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ.
Труды Комиссіи по устройству чтеній для учащихся.

НАКАНУНѢ НОВАГО СТОЛѢТІЯ.

ПРОФЕССОРА
П. Г. ВИНОГРАДОВА.

Цѣна 20 коп.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая ул., свой домъ.
МОСКВА. — 1902.

Педагогическое Общество, состоящее при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ.
Труды Комиссіи по устройству чтеній для учащихся.

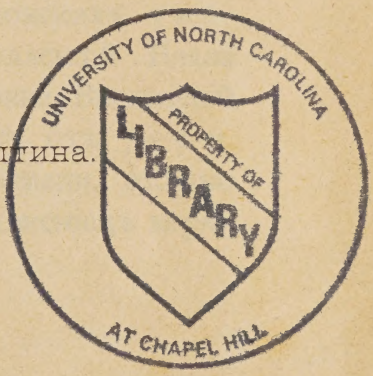
Арх. 4540 а
18.335.2.42

НАКАНУНѢ НОВАГО СТОЛѢТІЯ.

Nakanunie novogo stolietiia

ПРОФЕССОРА
П. Г. Виноградова.

CB155
.V5



Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Товарищества И. Д. Сытина. Валовая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1902.

Дозволено цензурою. Москва, 14 ноября 1901 года.

Предлагаемая статья профессора Московскаго Университета и предсѣдателя Московскаго Педагогическаго Общества *П. Г. Виноградова:* „Наканунѣ новаго столѣтія“ была прочитана 8 октября 1900 года, въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ, въ ряду чтеній, устраиваемыхъ вышеназваннымъ Педагогическимъ Обществомъ, состоящимъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Негативы свѣтовыхъ картинъ, показанныхъ при этомъ чтеніи, хранятся въ мастерской А. Анцыферовой (Москва, Новинскій бульваръ, д. Князевой) и могутъ быть воспроизведены по желанію заказчиковъ.

Картины, сюда относящіяся, отпускаются безплатно въ пользованіе московскихъ учебныхъ заведеній. Хранителя коллекцій Ивана Викентьевича Юркевича (Покровка, Введенскій пер., д. Грибова) можно видѣть отъ 7—9 ч. вечера, кромѣ каникулярнаго времени. Можно обращаться письменно (съ приложеніемъ марки на отвѣтъ).

Когда приближается Новый годъ, мы собираемся встрѣчать его и, ожидая боя 12 часовъ, оглядываемся на прошлое, вспоминаемъ и провѣряемъ себя, съ надеждою и заботою загадываемъ о томъ, что̀ принесетъ будущее. Прошлое 31 декабря наступила еще болѣе торжественная минута: на смѣну многоиспытанному XIX вѣку явился новый XX вѣкъ, и съ этой смѣной соединились особыя воспоминанія, заботы и надежды: не о своихъ только личныхъ дѣлахъ, мелкихъ интересахъ и короткихъ расчетахъ подумали люди они почувствовали въ себѣ жизнь великаго, многоголоваго и многовѣковаго существа — человѣчества, которое оглянулось на свое прошедшее, чтобы заглянуть въ будущее. Для этого существа думы и дѣла 1812, 1861, 1870 годовъ все равно, что для каждаго изъ насъ воспоминанія о только что пришедшемъ январѣ или іюнѣ; многое, что заложено и насаждено въ XIX вѣкѣ, будетъ осуществляться и развиваться, быть-можетъ, и не въ первыя десятилѣтія XX. Попробуемъ же собрать нѣсколько впечатлѣній отъ работы уходящаго вѣка. Чтобы не затеряться въ массѣ подробностей, лучше всего будетъ взглянуть на него съ двухъ крайнихъ концовъ: сравнить міръ, какъ онъ былъ въ 1800, съ тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ въ 1900 году.

Самый внѣшній видъ міра сильно измѣнился за это время. Не буду говорить о томъ, что въ полярныхъ странахъ, въ Азіи, Америкѣ, особенно же въ Африкѣ и въ Австраліи путешественники XIX вѣка открыли и

освѣтили обширныя пространства, которыя для людей XVIII вѣка являлись еще „неизвѣстной землей“. Важнѣе тѣ измѣненія карты, которыя отражаютъ собою глубокія перемѣны въ распространеніи культуры. Карта 1900 года „культурнѣе“ карты 1800 года, если можно такъ выразиться, потому что нигдѣ на ней не отмѣчено понятнаго движенія образованности передъ варварствомъ, и, наоборотъ, повсюду она указываетъ на пріобрѣтенія и ростъ образованныхъ народовъ насчетъ дикихъ, менѣе образованныхъ.

Въ прошедшемъ году Англіи удалось одно славное дѣло — подъ ея покровительствомъ австралійскія ея колоніи составили самостоятельную и обширную федерацію, своего рода Соединенные Штаты Тихаго океана, и федерація эта объединила цвѣтущія, многолюдныя общины съ высокой гражданственностью — Викторію, Новый Южный Уельсъ, Куинслендъ, Западную и Сѣверную Австралію, Новую Зеландію. Эти могущественные отпрыски европейской культуры выросли и созрѣли въ теченіе XIX вѣка. Въ началѣ его, Сидней былъ лишь жалкимъ поселеніемъ каторжниковъ; о большей части теперешнихъ многолюдныхъ городовъ еще и не слыхали. Мельбурнъ, имѣющій въ настоящее время полумилліонное населеніе и прекрасный университетъ, выросъ до такого значенія на памяти одного поколѣнія (основанъ въ 1836 г.). А взгляните, что представлялъ изъ себя 100 лѣтъ назадъ могучій великанъ Новаго Свѣта — С.-Американскіе Соединенные Штаты, которые теперь имѣютъ 70 милліоновъ жителей, во многихъ отношеніяхъ обогнали Европу и конкурируютъ съ ея передовыми государствами во всѣхъ отрасляхъ хозяйства и просвѣщенія. Вдоль Атлантическаго океана тянулась узкая кайма исконныхъ тринадцати штатовъ, положившихъ основаніе Союзу въ геройской борьбѣ за независимость; къ нимъ въ самомъ концѣ XVIII вѣка примкнули на западѣ

еще два штата — Кентукки и Тенесси; на югѣ, по Миссисипи пріютились кое-какія поселенія французовъ; по Мексиканскому заливу и въ Калифорніи еще прозябало бездѣятельное господство испанцевъ; вся же середина и западъ теперешняго Союза, области, въ которыхъ теперь кишитъ жизнь, въ которыхъ дѣйствуютъ такіе города, какъ Чикаго, представляли пустыни, по

Рис. 1.

которымъ бродили, охотясь за звѣрями и ловя рыбу, различные сіуксы, апахи, алгайонквины (карт. 1).

Какъ велика разница между теперешними, привычными намъ условіями и бытомъ начала XIX вѣка, можно оцѣнить хотя бы и по тому факту, что лѣтъ 100 тому назадъ Средиземное море, по которому теперь катаются какъ по внутреннему европейскому озеру, было въ такомъ положеніи, что съ путешественниками, ѣхавшими, изъ Марселя въ Неаполь, могла легко случиться

непріятность попасть въ руки алжирскихъ корсаровъ и быть проданными въ рабство въ Константинополѣ. Наконецъ, событія послѣднихъ лѣтъ и послѣднихъ дней постоянно иллюстрируютъ передъ нами фактъ міровой важности — быстрые шаги европейскаго вліянія и европейской культуры среди колоссальныхъ массъ монгольскихъ государствъ Азіи, которыя такъ долго и такъ упорно отгораживались отъ всего чужого. При этомъ чувствуется такое перемѣщеніе центра тяжести въ политикѣ, и открываются такія новыя перспективы историческихъ возможностей, что многимъ невольно становится жутко, что является страхъ передъ „Желтой Грозой“,— страхъ, при зрѣломъ обсужденіи, едва ли основательный; случится, надо думать, одно изъ двухъ: или желтые дѣйствительно воспримутъ европейскую культуру, и въ такомъ случаѣ можно будетъ примириться съ нѣкоторыми неизбѣжными уступками этимъ новымъ членамъ семьи цивилизованныхъ народовъ, или, — что гораздо болѣе вѣроятно, — они не совладаютъ въ большей своей части съ наплывомъ новыхъ идей и порядковъ, и въ такомъ случаѣ никакія частныя заимствованія не дадутъ имъ перевѣса надъ европейцами.

Такимъ образомъ повсюду, во всѣхъ частяхъ свѣта, XIX вѣкъ свидѣтельствуетъ *о распространеніи европейскаго вліянія и европейской культуры*. Это его первая, не подлежащая сомнѣнію, черта. Но въ этомъ отношеніи XIX вѣкъ, конечно, только продолжаетъ достойнымъ образомъ дѣло, начатое задолго до него, начатое Колумбомъ, Васко де-Гама, Кукомъ и нашими славными сибирскими піонерами. Есть другая область, въ которой заслуга XIX вѣка не только громадная, но совершенно особенная, своеобразная. Я разумѣю *развитіе средствъ сообщенія и обмѣна* между людьми. Всѣ знаютъ, что XIX вѣкъ есть время желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, телеграфа, телефона, но желательно выяснить поточнѣе, чего

именно эти изобрѣтенія достигли и какія измѣненія они внесли въ жизнь. Лѣтъ 100 тому назадъ надо было больше времени, чтобы добраться изъ Москвы въ Петербургъ, изъ Лондона въ Эдинбургъ, чѣмъ теперь, чтобы проѣхать изъ Европы въ Америку, уже не говоря о безпокойствѣ и опасностяхъ, соединенныхъ съ первыми изъ этихъ путешествій. Чтобы составить себѣ нѣкоторое представленіе о способахъ передвиженія, выслушайте хотя бы повѣствованіе о поѣздкѣ въ передовой странѣ,

Рис. 2.

изъ Лондона въ Эдинбургъ, на пути, который поѣздъ пролетаетъ теперь въ $7^1/_2$ часовъ. Передъ поѣздкой путешественникъ составляетъ завѣщаніе Тяжелую колымагу, запряженную четырьмя и иногда шестью лошадьми, конвоируютъ вооруженные слуги; путешествіе продолжается 14 дней, при чемъ три или четыре раза приходится останавливаться вслѣдствіе поломокъ экипажа. Рѣки рекомендуется переѣзжать въ бродъ верхомъ (карт. 2). Немудрено, что для англичанъ XVIII вѣка Шотландія представлялась чуждой, дикой землей. Тѣ немногіе, которые попадали туда, смотрѣли на страну и

людей съ изумленіемъ и отвращеніемъ. Острили, что если бы Каинъ былъ шотландцемъ, Богъ въ видѣ наказанія оставилъ бы его жить въ Эдинбургѣ. Этотъ и подобные ему разсказы характерны потому, что они показываютъ не только матеріальныя трудности, которыя приходилось преодолѣвать при малѣйшей попыткѣ перемѣнить мѣсто, но и общественныя послѣдствія этихъ трудностей — захолустный складъ жизни въ самыхъ важныхъ центрахъ, полное невѣжество относительно всего окружающаго, бѣдность и однообразіе мыслей, предубѣжденіе противъ всего чужого.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, а не только въ смыслѣ матеріальнаго облегченія переѣздовъ, XIX вѣкъ произвелъ величайшій переворотъ.

Въ 1825 г. начала работать на протяженіи 45 верстъ между Стоктономъ и Дарлингтономъ — первая желѣзная дорога. Пассажирскій поѣздъ того времени былъ разсчитанъ на 6 пассажировъ — внутри и 20 — на площадкѣ и на верху вагона. Передъ локомотивомъ ѣхалъ верховой сигнальщикъ (карт. 3). Въ 1890 г. линіи желѣзныхъ дорогъ вытянулись по земному шару на протяженіи 500.000 верстъ; возникли такія дороги, какъ Тихоокеанская, черезъ Канаду, какъ Сибирская, которая въ окончательномъ видѣ будетъ имѣть около 8.000 верстъ пути. При этомъ радикально измѣнилась не только быстрота передвиженія. По вычисленіямъ компетентныхъ знатоковъ, цѣнность перевозки пассажировъ уменьшилась вдвое, стоимость перевозки товаровъ вчетверо, а безопасность перевозки возросла приблизительно въ 20 разъ.

Опираясь на эти средства передвиженія грузовъ и пассажировъ, торговля удесятерила свои обороты. Въ Англіи, напримѣръ, въ 1800 г. ввозили товаровъ на 300 мил. руб. въ годъ и вывозили на 430, а въ 1893 г. ввозили на 3.700 мил. и вывозили на 2.550 мил.

Необычайно возросъ не только обмѣнъ товаровъ, но и *обмѣнъ мыслей*. Это краснорѣчиво выразилось въ успѣхахъ почты. Въ прошломъ вѣкѣ письмо составляло рѣдкое, почти необычайное явленіе: его везли со скоростью 5 верстъ въ часъ, оплачивали, какъ теперь оплачиваютъ цѣнныя посылки, охраняли конвоями и все-таки очень часто не могли охранить отъ покушеній разбойниковъ и чиновниковъ. Въ Эдинбургѣ въ XVIII вѣкѣ долго хватало одного письмоноса на весь городъ, и еще въ 1746 г. случилось, что почта съ юга привезла лишь одно

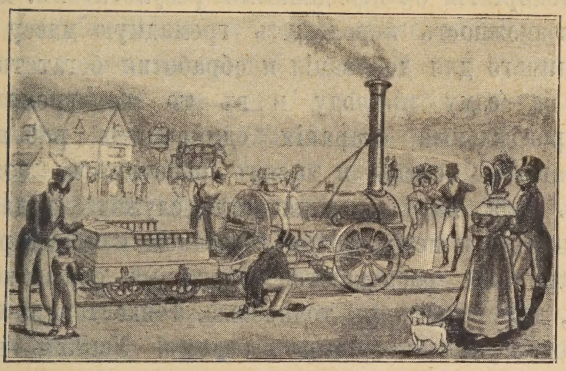


Рис. 3.

письмо въ теченіе дня. Въ 1884 году въ Лондонѣ было роздано 1.322 мил. писемъ и 153 мил. открытокъ; въ среднемъ — по 37 писемъ на человѣка.

Эти цифры означаютъ, что теперешній житель образованной страны имѣетъ возможность легко обмѣняться товарами и мыслями со всѣми концами земного шара, что его не останавливаютъ болѣе тѣ тысячи мелкихъ и крупныхъ препятствій, которыя изъ самаго простого путешествія XVIII вѣка дѣлали чуть не походъ аргонавтовъ. Въ наше время дѣла и люди все болѣе и болѣе выходятъ изъ узкой обстановки различныхъ закоулковъ, приходится считаться съ міровыми рынками,

присматриваться къ условіямъ отдаленныхъ странъ, учиться понимать людей чужихъ государствъ и народовъ: сцена раздвинулась, запасъ идей возросъ, а главное — возросла быстрота ихъ обращенія между людьми. Въ этомъ смыслѣ можно сравнить роль открытій XIX вѣка развѣ только съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія.

Люди не только получили возможность быстро сообщаться другъ съ другомъ, обмѣниваться мыслями, услугами, товарами въ такихъ размѣрахъ, какъ никогда до сихъ поръ: они сомкнулись въ громадныя промышленныя предпріятія съ невиданными результатами. Машины дали возможность переложить громадную массу труда, необходимаго для добыванія и обработки богатствъ природы, на саму природу и въ то же время замѣнить раздѣльныя старанія одиночныхъ работниковъ комбинаціями сотенъ и тысячъ рабочихъ въ большихъ дѣлахъ. Вода, паръ, электричество служатъ людямъ для передвиженія и переработки всевозможныхъ матеріаловъ: благодаря имъ развиваются громадныя силы, которыя, однако, дѣйствуютъ съ точностью, тонкостью и быстротою, недоступными живымъ людямъ. Успѣхи машинъ какъ будто даже идутъ въ ущербъ человѣчеству, потому что машинное производство вытѣсняетъ ручной трудъ и появленіе всякой новой машины дѣлаетъ излишними множество работниковъ. Дѣйствительно, первые шаги каждой машины въ промышленности сопровождаются для представителей устарѣвшаго производства великими неудобствами и страданіями. Если искусная швея можетъ сдѣлать 50 стежковъ въ минуту, то паровая швейная машина дѣлаетъ ихъ 1.500 и можетъ поэтому замѣнить 30 швей. Но въ концѣ концовъ машина не вытѣсняетъ человѣческаго труда, а переставляетъ его: она сама не можетъ обойтись безъ ухода и управленія, и массы рабочихъ, которые больше не разбираютъ своими руками прижу, не бросаютъ ткацкаго челнока, не ударяютъ

молотками въ кузницѣ, руководятъ, слѣдятъ въ настоящее время за бездушными силами, которыя прядутъ, ткутъ, куютъ для людей. Успѣхи машиностроенія въ Англіи, напримѣръ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, въ 20 лѣтъ, между 1870 и 1890 годами, сдѣлали излишними массу частныхъ услугъ, но привели однако къ увеличенію общаго числа рабочихъ, занятыхъ этимъ дѣломъ. Вмѣсто 358.000 мужчинъ, занятыхъ имъ въ фабрикахъ въ 1870 году, въ 1890 было уже 428.000. Главная же заслуга машины, конечно, необыкновенное увеличеніе производительности труда. Въ этомъ отношеніи исторія XIX вѣка даетъ краснорѣчивыя цифры. Остановимся хотя бы на той же обработкѣ волокнистыхъ веществъ, которая изъ рукъ отдѣльныхъ ткачей и прядильщиковъ начала въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія переходить, благодаря изобрѣтеніямъ Аркрайта, Гергревса, Крамптона, Картрайта, въ вѣдѣніе фабрикъ, организованныхъ для машиннаго производства. Въ 1800 г. въ Англіи выдѣлывали хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ и льняныхъ тканей на общую сумму въ 22.000.000 ф. с. (по теперешнему курсу около 220 мил. р.). Теперь же выдѣлывается на 1.700 мил. рублей; иначе говоря, производство увеличилось приблизительно въ 8 разъ. При этомъ послѣднія десятилѣтія даютъ не менѣе поразительные результаты, нежели первыя. Въ 1870 г. мануфактуры Соединенныхъ Штатовъ занимали 2 мил. рабочихъ и вырабатывали товаровъ на 3.400 мил. долл., а въ 1890 рабочихъ уже было 4.700.000, а масса товаровъ уже достигла баснословной цифры въ 9.500 мил. (19 милліардовъ рублей).

Чтобы создать промышленныя предпріятія въ такомъ громадномъ количествѣ, необходимы, конечно, не только изобрѣтательность и добрая воля участниковъ: нужны деньги, *капиталы*, собранные для того, чтобы пустить въ ходъ и поддерживать производства, обезпечить ихъ

необходимыми строеніями, орудіями, личнымъ составомъ рабочихъ. Чѣмъ обширнѣе производство, чѣмъ могущественнѣе та комбинація силъ, которая въ немъ работаетъ, тѣмъ больше ему нужно капитала для того, чтобы вступить въ дѣло и вести его дальше. Необыкновенное развитіе машиностроенія въ XIX вѣкѣ требовало и невиданнаго сосредоточенія капиталовъ, и хотя, безъ сомнѣнія, капиталисты являлись и раньше, капиталы играли роль въ теченіе всей міровой исторіи, но никогда капиталистическое хозяйство не выступало въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, какъ въ XIX вѣкѣ. Обращу ваше вниманіе на одну выдающуюся сторону его, особенно разросшуюся въ этотъ періодъ, — на такъ называемый *кредитъ*.

Съ тѣхъ поръ какъ установились отношенія между людьми, случалось, что продавцы предоставляли покупателямъ, которымъ довѣряли, уплатить не при самой покупкѣ; случалось, что человѣкъ, имѣющій деньги, давалъ взаймы другому, который въ нихъ нуждался. Вытекающія отсюда сдѣлки имѣли важное значеніе въ исторіи и приводили иногда къ очень серьезнымъ послѣдствіямъ въ народномъ хозяйствѣ. Особенность XIX вѣка состоитъ въ томъ, что при необыкновенномъ запросѣ на капиталы въ промышленности и торговлѣ, съ одной стороны, при чрезвычайномъ облегченіи сношеній между людьми — съ другой, стало примѣняться въ такихъ размѣрахъ, какъ никогда прежде, созданіе предпріятій въ кредитъ, и установились кредитныя отношенія между всѣми существующими предпріятіями.

Деньги въ обществѣ распредѣляются болѣе или менѣе по рукамъ всѣхъ его членовъ, и на ряду съ нѣсколькими лицами, у которыхъ ихъ много, стоитъ большинство такихъ, у которыхъ у каждаго понемножку. Если каждый будетъ производить только на свои средства, то получится въ обществѣ много мелкихъ предпріятій и нѣсколько крупныхъ; но мелкіе капиталисты могутъ сложить

свои сбереженія вмѣстѣ или поручить пользованіе ими крупному предпріятію, успѣху котораго они довѣряютъ. Въ настоящее время мало кто держитъ въ своихъ рукахъ сбереженныя средства. Они не залеживаются въ сундукахъ и кубышкахъ: за покрытіемъ необходимыхъ расходовъ, каждый стремится купить процентныя бумаги государства, акціонерныхъ компаній, банковъ, заводскихъ и торговыхъ предпріятій; иначе говоря, помѣщаетъ свои сбереженія въ кредитъ, въ руки другихъ людей, которые пускаютъ ихъ въ ходъ въ своихъ предпріятіяхъ. Въ этомъ есть рискъ, и мы каждый день слышимъ о потеряхъ, крушеніяхъ и злоупотребленіяхъ въ дѣлахъ, основанныхъ на кредитѣ, т.-е. на довѣріи, и тѣмъ не менѣе выгоды кредитныхъ операцій такъ велики и для тѣхъ, кто собираетъ деньги и пользуется ими, и для тѣхъ, кто поручаетъ ихъ въ пользованіе, что суммы, вложенныя въ кредитъ, во много разъ превышаютъ тѣ, которыя принадлежатъ самимъ хозяевамъ предпріятій. Собираніе и обращеніе капиталовъ въ кредитныхъ операціяхъ можно сравнить съ кровообращеніемъ въ тѣлѣ, при чемъ роль сердца, регулирующаго это кровообращеніе, играютъ банки, ставящіе себѣ задачей служить посредниками между людьми, желающими помѣстить деньги, и людьми, желающими ихъ использовать. Чтобы дать хоть нѣкоторое понятіе о размѣрахъ кредитныхъ операцій въ наше время, укажу хотя бы на то, что въ 1889 г. въ англійскій банкъ было сдѣлано вкладовъ на 630 милліоновъ ф. ст., а въ 1898—на 810 милліоновъ.

Если сопоставить все сказанное объ учащеніи сношеній между людьми, объ успѣхахъ машиностроенія, о сосредоточеніи капиталовъ и развитіи кредита, то станетъ ясно: что всѣ эти силы дѣйствуютъ въ одномъ направленіи, всѣ стремятся замѣнить разрозненныя, изолированныя усилія людей ихъ организованной дѣятельностью. До возможной степени ослабляются условія, затрудняющія

такую организацію и вытекающія изъ разстоянія, изъ недостаточности физическихъ силъ отдѣльнаго человѣка, изъ ограниченности сбереженій, которыми располагаютъ отдѣльные члены общества. Въ современной хозяйственной работѣ отдѣльная личность входитъ въ составъ колоссальныхъ предпріятій, затрачивающихъ милліонные капиталы, разсчитывающихъ свои обороты сообразно потребностямъ и условіямъ мірового рынка, дѣйствующихъ дорого стоящими машинами.

Отсюда происходитъ, однако, великая опасность и трудная задача для общества. Опасность въ томъ, что, при современномъ развитіи, интересы и права живыхъ людей въ значительной степени подчиняются потребностямъ коллективныхъ организацій, что работающіе въ громадныхъ предпріятіяхъ уподобляются, съ точки зрѣнія цѣлаго, своего рода винтамъ, приводамъ, шестернямъ, получающимъ смыслъ и назначеніе лишь въ общей комбинаціи частей. Что эти опасенія не лишены основаній, показываютъ многіе печальные факты изъ недавняго прошлаго и настоящаго: когда на фабрикѣ предоставлена полная воля эгоистическимъ интересамъ хозяина, рабочіе обращаются въ своего рода рабовъ, которые за скудное пропитаніе и снабженіе предметами первой необходимости безустали исполняютъ однообразную, притупляющую, часто вредную для здоровья работу. Да и не на однѣхъ фабрикахъ наблюдается это приниженіе человѣческой личности. Огромныя государства, въ интересахъ своего военнаго и финансоваго могущества, до крайней степени напрягаютъ силы своихъ подданныхъ, по всей Европѣ замѣчается контрастъ между грознымъ сосредоточеніемъ боевыхъ силъ государствъ, я развитіемъ ихъ финансовыхъ требованій — и тягостнымъ положеніемъ населенія, многочисленнымъ пролетаріатомъ, массами нищаго и полунищаго люда, который разоренъ не по своей винѣ и не можетъ оправиться.

Если бы въ общественной жизни дѣйствовали только силы экономическаго и политическаго объединенія и сосредоточенія, то государство обратилось бы, по выраженію одного философа XVII вѣка, въ Левіаѳана, въ громадное чудовище, обладающее великой мощью и страшнымъ аппетитомъ, но безжалостное къ отдѣльнымъ личностямъ, которыя служатъ ему составными частями. Можно ли сказать, что XIX вѣкъ созналъ опасность этого самоубійственнаго поглощенія Левіаѳаномъ, что онъ выдвинулъ какія-либо силы въ противовѣсъ машинообразной организаціи общества? Къ счастью, стремленія вѣка направлялись не только на то, чтобы развивать технику и хозяйственный строй общества, но также и, въ не менѣе замѣчательной степени, на умственный, нравственный и матеріальный подъемъ гражданъ, на развитіе ихъ самосознанія и личнаго достоинства.

Прежде всего, на государство стали смотрѣть иначе чѣмъ прежде: въ XVIII вѣкѣ правительства часто ставили себѣ весьма гуманныя и просвѣтительныя задачи, но обыкновенно полагали при этомъ, что разрѣшеніе этихъ задачъ вполнѣ зависитъ отъ изданія нѣсколькихъ мудрыхъ законовъ и распоряженій, что общество, надъ которымъ придется оперировать этими законами,— податливая, гибкая масса, которой можно придавать какія-угодно формы. Когда Фридрихъ II отнялъ Силезію у Австріи, онъ составилъ планъ государственныхъ насажденій въ этой странѣ: земледѣльческихъ улучшеній, устройства фабрикъ, мѣръ для покровительства торговлѣ, какъ будто въ новой провинціи предстояло разбить садъ и надо было расположить по обдуманному плану клумбы, дорожки, боскеты. Зато, когда его племянникъ, Фридрихъ Вильгельмъ III, повелъ отчаянную борьбу противъ Наполеона, онъ обратился съ воззваніемъ къ самосознанію своего народа и обѣщалъ ему и въ мирное время покровительствовать его самостоятельности. Измѣнился взглядъ

на самодѣятельность общества: цѣлью воспитанія общественнаго было поставлено, чтобы оно могло безъ правительственной опеки пещись о своихъ ближайшихъ нуждахъ, напр. о школахъ и больницахъ, о дорогахъ и рынкахъ. Это общественное самоуправленіе перестало быть островною особенностью Англіи, а прошло болѣе или менѣе черезъ всѣ государства Европы, отразилось и у насъ въ Россіи въ знаменательныхъ реформахъ второй половины вѣка. Благодаря этому, получаютъ огласку и сильное выраженіе желанія, которыя долго замалчивались: въ печати, въ общественномъ мнѣніи жалуются на исконные застарѣлые общественные грѣхи, и XIX вѣкъ можетъ гордиться тѣмъ, что во многихъ случаяхъ эти жалобы не остались гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ, что удалось добиться отмѣны многихъ тяжкихъ несправедливостей, врачеванія многихъ великихъ золъ. Не напрасно велъ всю жизнь походъ противъ рабства Уильямъ Уильберфорсъ (4 карт). Онъ добился отмѣны торговли неграми въ англійскихъ колоніяхъ и не многимъ не дожилъ до полной отмѣны невольничества въ англійской Вестъ-Индіи (1833). Не напрасно повели свою кампанію противъ невольничества и сѣверо-американскіе проповѣдники свободы. Имъ пришлось дожидаться дольше — до 60-хъ годовъ, но первыя нравственныя побѣды были одержаны уже раньше: успѣхъ романа Бичеръ-Стоу „Хижина дяди Тома“ стоилъ выиграннаго сраженія. Актомъ общественнаго самосознанія является въ значительной степени и отмѣна крѣпостного права у насъ въ Россіи, съ которой слѣдуетъ считать новую эпоху въ нашей исторіи.

Во второй половинѣ XIX вѣка стали намѣчаться для просвѣщенныхъ государствъ задачи, отъ которыхъ ранѣе тщательно устранялись, которыя считали неподлежащими вѣдѣнію политики. Выяснилось напр., что государственная власть не можетъ и не должна равнодушно смотрѣть

на устройство отношеній между хозяевами и рабочими, что она должна въ извѣстныхъ случаяхъ охранять интересы слабѣйшей стороны и надзирать за тѣмъ, чтобы людей не заставляли работать подобно неодушевленнымъ частямъ машины. Вмѣшательство государства во имя нравственнаго начала — гуманности сдѣлалось неизбѣжнымъ, когда, вслѣдствіе успѣховъ машинной техники, на фабрики сталъ привлекаться массами дешевый трудъ слабѣйшихъ членовъ общества — женщинъ и дѣтей. Ма-

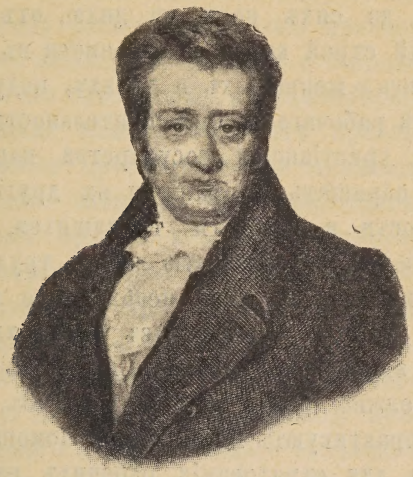


Рис. 4.

шины дали возможность это дѣлать, потому что, при ихъ участіи, отъ рабочаго требуется немного силы, ловкости и подготовки. При развитіи промышленности въ Англіи началась настоящая торговля дѣтьми недостаточныхъ классовъ, которыхъ приходскія попечительства о бѣдныхъ, подъ предлогомъ отдачи въ ученье, отдавали на безконтрольную эксплуатацію хозяевъ фабрики ремесленныхъ заведеній. Въ 1833 году англійскій парламентъ, несмотря на все свое предубѣжденіе противъ примѣненія правительственныхъ регламентовъ къ договорамъ между частными лицами, выработалъ для надзора за трудомъ

малолѣтнихъ учрежденіе фабричныхъ инспекторовъ, которое затѣмъ распространилось по Европѣ и принесло громадную пользу въ смыслѣ улучшенія быта рабочихъ, оздоровленія ихъ обстановки, заботы объ ихъ человѣческихъ потребностяхъ въ просвѣщеніи, развлеченіи, отдыхѣ.

Говоря словами одного указа германскаго императора Вильгельма II, изданнаго въ 1881 г., рабочій классъ имѣетъ основаніе ожидать большаго попеченія, чѣмъ ему доставалось до сихъ поръ на долю, отъ государства, нравственный строй котораго коренится въ христіанствѣ Позаботившись о женщинахъ и дѣтяхъ, подумавъ о праздничномъ днѣ рабочаго и продолжительности его будничной работы, христіанскія государства нашего времени начинаютъ обращать вниманіе и на другія проявленія недостаточности и слабости трудящихся, на страшное положеніе людей, которые всю жизнь трудились, чтобы снискивать изо дня въ день необходимое пропитаніе, а на старости лѣтъ остаются безъ куска хлѣба и съ надорваннымъ здоровьемъ. Только ли милостыня, богадѣльни, больницы должны быть ихъ удѣломъ? Въ Германіи, въ Даніи уже практикуютъ иную форму помощи. Тамъ основаны фонды для страхованія рабочихъ на случай старости или неспособности къ труду. Взносы въ нихъ поступаютъ, во-1-хъ, со стороны страхуемыхъ, во-2-хъ, со стороны хозяевъ, у которыхъ они работаютъ, въ-3-хъ, со стороны государства. При обыкновенныхъ условіяхъ рабочій выслуживаетъ свою скромную пенсію — подобно чиновнику — въ 65 лѣтъ, въ случаѣ болѣзни и ранняго истощенія — раньше.

И важно не только то, что уже осуществилось или осуществляется: драгоцѣнно зарожденіе въ жестокой борьбѣ политическихъ интересовъ и на пустынной почвѣ дипломатическихъ канцелярій идей широкой гуманности, „утопій“, — какъ говорятъ приверженцы грубой дѣйстви-

тельности — напримѣръ идей ограниченія вооруженій, постояннаго международнаго посредничества во избѣжаніе войны. Пусть міръ еще не готовъ для проведенія этихъ идей: разъ ихъ представителемъ выступаетъ такой Государь, какъ Императоръ Всероссійскій, дѣло уже вышло изъ области грёзъ, съ нимъ пришлось и придется считаться. Брошено могучее сѣмя, котораго не выклюютъ птицы и не задушатъ тернія.

Капитальною чертою проходитъ во всѣхъ этихъ гуманныхъ стремленіяхъ XIX вѣка сознаніе, что не только надо помогать народу распространеніемъ правосудія и милосердія, но что необходимо поднять его нравственный уровень, сдѣлать его способнымъ къ самопомощи. Въ этомъ — великое отличіе нашего вѣка отъ предшествовавшаго. Такъ-называемое просвѣтительное движеніе XVIII вѣка слишкомъ часто забывало, что дѣло идетъ не только о провозглашеніи правъ человѣческаго разума и о походѣ небольшого образованнаго меньшинства противъ суевѣрій и злоупотребленій. Нельзя сказать, чтобы необходимость широкаго народнаго образованія совершенно не замѣчалась; въ Даніи, напримѣръ, она была провозглашена еще въ 1739 году. Но время практическаго примѣненія этой идеи умственнаго и нравственнаго подъема массы народа еще не пришло тогда, и именно о XIX вѣкѣ всегда останется память въ исторіи, какъ о столѣтіи распространенія образованія среди массъ. Это былъ не только вѣкъ машинъ, капитализма, кредита, но также вѣкъ всеобщаго обученія, женскаго образованія, внѣшкольнаго образованія.

Вспомнимъ, что именно 1833 годъ, которому принадлежитъ такое почетное мѣсто въ исторіи рабочаго класса, является важнымъ годомъ и въ исторіи народнаго образованія. Тогда впервые было положено начало систематической организаціи начальнаго обученія во Франціи, и впервые была отпущена, правда весьма еще незначительная, сумма въ 200.000 р. въ пособіе частнымъ

лицамъ открывавшимъ начальныя школы въ Англіи. Общее обязательное обученіе начинаетъ осуществляться еще позднѣе: въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ — лишь съ 1852 года (въ Массачусетсѣ), въ Англіи — съ 1870 г., во Франціи — съ 1882 г. Какъ извѣстно, мы въ Россіи еще не дошли даже до общедоступности начальнаго обученія, не говоря о его обязательности. Куда идетъ время и какъ двигаются на общемъ пути различныя страны, показываютъ нѣсколько цифръ. Въ Германіи изъ 100 человѣкъ населенія восемнадцать посѣщаютъ школы, въ Англіи — семнадцать, во Франціи — четырнадцать, въ Россіи же пока менѣе четырехъ: у насъ 3.800.000 въ начальныхъ школахъ при населеніи въ 130 милліоновъ. Но что и у насъ намѣчаются тѣ же цѣли, показываетъ хотя бы примѣръ Москвы. Александръ II призвалъ города и земства къ заботѣ о народномъ образованіи, и въ 1870 году было открыто первое городское начальное училище, Николаевское, у Сухаревой башни; теперь же городъ содержитъ уже 176 начальныхъ училищъ, въ которыхъ учатся болѣе 20.000 учениковъ, и нынѣшней весной постановлено въ память сорокалѣтія освобожденія крестьянъ открыть достаточное число школъ для проведенія общедоступности начальнаго образованія.

Я не успѣю по недостатку времени коснуться вопроса о женскомъ образованіи, хотя движеніе къ нему очень важно и характерно, но не могу не сказать два слова объ одномъ изъ самыхъ знаменательныхъ дѣлъ отходящаго вѣка — о такъ-называемомъ распространеніи университетскаго образованія. Благородная мысль пріобщить къ высшему образованію множество людей, которые не могутъ по своимъ занятіямъ, матеріальному положенію и школьной подготовкѣ поступить въ университеты, появилась ранѣе всего въ Англіи и Америкѣ, въ странахъ съ наибольшимъ числомъ энергическихъ дѣловыхъ людей, стремящихся не только къ обогащенію, но къ са-

мосовершенствованію, къ достойной жизни, къ развитію духовныхъ интересовъ. Каковы результаты,— объ этомъ даетъ нѣкоторое понятіе хотя бы слѣдующая справка.

Недавно, въ 1898 г., Кембриджское общество для распространенія университетскаго образованія праздновало свое 25-лѣтіе въ стѣнахъ знаменитаго, древняго университета. Вице-канцлеръ, по-нашему ректоръ университета, при этомъ сказалъ, что Кембриджъ гордится тѣмъ, что проложилъ дорогу этому движенію. Не то, чтобы открытіе, которое сдѣлали 25 лѣтъ тому назадъ, можно было бы назвать великимъ и оригинальнымъ открытіемъ. Оно въ сущности сводилось къ тому, что университетъ принялъ во вниманіе, что существуютъ желѣзныя дороги, что онѣ представляютъ удобныя средства сообщенія, и отсюда сдѣлалъ выводы, что нѣтъ безусловной необходимости, чтобы желающіе заниматься университетскими науками являлись въ университетскій городъ, что, наоборотъ, когда того требуютъ обстоятельства, профессоръ можетъ отправиться къ студентамъ.

Въ 1873 году были открыты курсы въ трехъ провинціальныхъ городахъ; въ 1898 году читалось уже 488 отдѣльныхъ курсовъ, которые посѣщались 46.741 слушателями. Всего же за 25-лѣтній періодъ на курсахъ Кембриджской вѣтви перебывало 221.190 слушателей, изъ которыхъ 30.000 держали экзамены и получили аттестаты. Какое вліяніе эта просвѣтительная работа имѣла не только на учащихся, но и на учителей, показываетъ слѣдующая выдержка изъ рѣчи одного изъ преподавателей: „тотъ фактъ, что во всѣхъ главныхъ центрахъ страны появились лекторы изъ университетовъ и вступили въ сношенія съ мыслящими людьми этихъ мѣстностей, поставилъ университетъ въ живую связь съ населеніемъ провинцій, заполнилъ пропасть, которая раньше существовала между университетами и народомъ, и пробудилъ интересъ и привязанность къ Кембриджу и

Оксфорду въ классахъ общества, которые были совершенно лишены этого чувства".

Такимъ образомъ, если, съ одной стороны, улучшеніе средствъ сообщенія, оживленіе кредита, сосредоточеніе капиталовъ, возникновеніе машинъ увеличили матеріальное могущество общества и соединили его въ громадный хозяйственный организмъ, признаніе нравственныхъ началъ въ политикѣ, развитіе вмѣшательства государства въ гражданскую жизнь въ интересахъ справедливости и гуманности, распространеніе знаній, пробужденіе громадныхъ классовъ общества къ сознательной дѣятельности внесли въ жизнь общества уравновѣшивающее вліяніе, не дали ему подчиниться чисто матеріальнымъ интересамъ и матеріальнымъ силамъ. И въ томъ и въ другомъ направленіи, и въ экономическомъ ростѣ и въ успѣхахъ сознательности, чувствуется вліяніе науки, чистаго знанія, которыя, съ своей стороны, сдѣлали громадные шаги впередъ въ теченіе XIX вѣка и своимъ прогрессомъ обусловили успѣхи прикладныхъ знаній. Только опираясь на чистую науку, могли состояться разнообразныя практическія пріобрѣтенія нашей культуры, могла выработаться современная экономическая организація, могло осуществиться распространеніе образованія въ народѣ. Даже съ чисто практической точки зрѣнія для жизни XIX столѣтіе было не безразлично, что въ этотъ вѣкъ выросло ученіе объ электричествѣ, выяснились основы біологіи — науки о жизни организмовъ, возникла статистика — изученіе массовыхъ явленій общественной жизни на основаніи точныхъ измѣреній, преобразовалась исторія и своимъ преобразованіемъ вызвала глубокое видоизмѣненіе политической экономіи и науки права. Мы не имѣемъ возможности не только прослѣдить въ данномъ случаѣ за частностями, но даже и представить ихъ на выдержку для примѣра. Но нельзя обойти полнымъ молчаніемъ двухъ идей, которыя, какъ мнѣ кажется, господ-

ствуютъ надъ всѣми научными взглядами вѣка и глубоко отражаются на всемъ его міросозерцаніи; это — идея закона и идея развитія. Современныя науки, и естественныя и общественныя, прежде всего ищутъ въ явленіяхъ *закона*, — выясняютъ необходимую, постоянно повторяющуюся связь между ними. Только для поверхностнаго взгляда явленія, которыя мы наблюдаемъ, представляются пестрой, безпорядочной массой. Чѣмъ внимательнѣе мы всматриваемся въ эту массу, тѣмъ болѣе замѣчаемъ, что факты появляются передъ нами не въ случайныхъ соединеніяхъ, а въ опредѣленныхъ группахъ: если мы подмѣтимъ, что фактъ *a* появляется непремѣнно рядомъ съ фактомъ *b* или непремѣнно послѣ него, то этимъ выяснится для насъ законъ связи между этими фактами. Нѣкоторые законы уже найдены, другіе опредѣлить еще не удалось, но можно сказать, что въ общемъ наука понимаетъ теперь *міровую жизнь не какъ сцѣпленіе случайностей*, а какъ результатъ дѣйствія законовъ, частью извѣстныхъ намъ, частью неизвѣстныхъ. — Инымъ кажется, что такое пониманіе міра ведетъ къ фатализму, къ признанію господства роковой необходимости, убивающей всякую иниціативу, всякую свободу человѣческой дѣятельности. Въ этихъ опасеніяхъ есть странное недоразумѣніе. Почему взглядъ, что во всемъ, въ матеріальномъ движеніи и въ мысли, выражаются законы природы, долженъ убить энергію и иниціативу? Вѣдь знаніе законовъ паденія тѣлъ, законовъ движенія воды и т. п. не отнимаетъ у насъ возможности воспользоваться силой воды, чтобы двигать колесо мельницы. Именно, въ открытіи законовъ природы лежитъ лучшее средство, чтобы обезвредить ихъ дѣйствіе на человѣка или воспользоваться ими въ его пользу. Когда открытія Пастера выяснили вліяніе бактерій на броженіе и болѣзни, явилась возможность несравненно успѣшнѣе бороться съ болѣзнями, нежели прежде, когда медицина не считалась съ законами

развитія бактерій и вліянія ихъ на человѣческій организмъ. Во всякомъ случаѣ, незнаніе или непризнаніе законовъ не освобождаетъ отъ ихъ вліянія; наоборотъ, въ исканіи и открытіи ихъ находитъ приложеніе не только умъ, но и нравственная сила.

Другая проходящая повсюду научная идея вѣка есть *идея развитія,* — мысль, что всѣ существующія формы — растенія, животныя, люди и общества — проходятъ естественный ростъ, развертывая постепенно свое строеніе и силы, питаясь изъ окружающей почвы въ борьбѣ и взаимодѣйствіи съ окружающими условіями, двигаясь сначала впередъ, затѣмъ останавливаясь и разрушаясь, съ тѣмъ чтобы передать жизнь новымъ существамъ подобнаго же рода. Эта идея развитія въ примѣненіи къ исторіи обнимаетъ двѣ стороны *историческаго процесса* — его *преемственность,* постоянную зависимость всего, что существуетъ въ настоящее время отъ прошлаго, изъ котораго оно вышло, и *измѣнчивость* — постоянное движеніе къ разрѣшенію новыхъ задачъ и примѣненіе къ новымъ условіямъ. Трудно о такихъ важныхъ предметахъ говорить кратко и какъ бы мимоходомъ; но если совсѣмъ не сказать о нихъ, то едва ли можно поставить и тѣ жизненные вопросы, надъ которыми невольно задумывается всякій при приближеніи новаго мірового срока. Стали ли люди счастливѣе вслѣдствіе всѣхъ этихъ великихъ открытій и перемѣнъ XIX вѣка? Стали ли они лучше?

Я думаю, что на первый вопросъ нельзя отвѣчать прямо, а на второй — можно. Нельзя сказать, стали ли люди счастливѣе теперь, чѣмъ они были 100 лѣтъ назадъ, потому что не объ однѣхъ и тѣхъ же величинахъ идетъ рѣчь. Тамъ, гдѣ жили сто лѣтъ назадъ 10 милліоновъ, теперь, быть-можетъ, живетъ милліоновъ 70, и жить имъ, конечно, тѣснѣе. Тамъ, гдѣ въ XVIII вѣкѣ еще было деревенское приволье, теперь выросли дымные города, и

воздухъ отъ этого не сталъ лучше. А главное,—мы привыкли измѣрять счастье удовлетвореніемъ, довольствомъ своимъ положеніемъ. Несомнѣнно, многіе теперь недовольны и ищутъ перемѣны своего положенія, какъ разъ потому, что оглянулись на себя, замѣтили невыгоды своего положенія, проснулись изъ полусоннаго невѣжества, въ которомъ раньше жили. Нужно ли только печалиться, что произошло такое недовольство, что прекратилось безсознательное коснѣніе? Вопросъ лишь въ томъ, къ чему ведетъ пробудившееся сознаніе, разумны и законны ли вновь возникающія требованія? Безъ постановки такихъ требованій не можетъ быть движенія впередъ, и нѣтъ никакого основанія думать, что требованія и стремленія нашей эпохи неразумнѣе и несбыточнѣе, чѣмъ стремленія другихъ эпохъ. Одно, мнѣ кажется, можно сказать съ увѣренностью, что, если бы мы располагали теперь лишь средствами и взглядами, которыми располагало человѣчество 100 лѣтъ назадъ, наше существованіе было бы невыносимо. Мы справляемся съ теперешними задачами, потому что во многихъ отношеніяхъ стали сильнѣе нашихъ предковъ. Общество наше лучше общества XVIII вѣка. Сильнѣе оно не только своими техническими открытіями и матеріальными богатствами, но и всею широтою пріобрѣтеннаго за 100 лѣтъ лучшаго пониманія міра. Выросло наше *знаніе,* и мы стараемся широко распространить и примѣнить его, какъ тотъ вѣрный рабъ евангельской притчи, который не закопалъ своего таланта въ землю, а пустилъ его въ полезный оборотъ и отдалъ добрый отчетъ господину. Выросло *сознаніе:* мы яснѣе видимъ, гдѣ стоймъ, что намъ нужно и что вредно, къ чему надо стремиться и чего избѣгать. Возросла и *совѣсть:* мы замѣчаемъ и осуждаемъ многое, на что наши предки глядѣли притупившимся взоромъ. Какъ бы ни были слабы отдѣльныя лица, какъ бы ни были малодушны по временамъ самыя

общества, совѣсть все-таки идетъ своими неторопливыми шагами за сознаніемъ и въ концѣ концовъ дѣлаетъ свое дѣло. Въ оцѣнкѣ народовъ и человѣчества нельзя руководствоваться отдѣльными тяжелыми эпизодами, отдѣльными разочарованіями: надо оглянуться на широкое поле и на долгіе сроки. И если оглянуться на XIX вѣкъ въ его совокупности, то грѣшно будетъ сказать, чтобы люди за это время малаго достигли и мало сдѣлали добраго, а потому можно съ надеждой взглянуть въ лицо и приближающемуся новому столѣтію.

Намъ, русскимъ, очевидно, предстоитъ въ работѣ XX столѣтія выдающаяся и отвѣтственная роль. Значеніе Россіи растетъ съ каждымъ годомъ и отъ того, какъ мы исполнимъ свое дѣло, будетъ зависѣть многое не для насъ однихъ, но, можно сказать, для всего міра. Будемъ надѣяться, что обозрѣвая XX столѣтіе, наши потомки съ гордостью укажутъ на вкладъ своей страны въ развитіи цивилизаціи. Вступимъ же въ XX вѣкъ съ бодростью и энергіей.

Павелъ Виноградовъ.

Арх-4540 аоб-
250716

ПЕЧАТАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ЧТЕНІЯ ТОЙ ЖЕ КОМИССІИ,

изд. Т-ва И. Д. Сытина:

1. *Проф. К. Э. Линдеманъ:* **О зависимости животнаго міра отъ человѣка.**
2. *Его же:* **О красотѣ въ царствѣ животныхъ.**
3. *Прив.-доц. А. Н. Реформатскій:* **Химія и жизнь природы.**
4. *В. Д. Соколовъ:* **Пустыня** (физико-географическій очеркъ).
5. *Прив.-доц. Г. А. Кожевниковъ:* **Перелетныя птицы.**
6. *Проф. И. А. Каблуковъ:* **Какъ узнали составъ солнца?**
7. *Я. Л. Барсковъ:* **Россія въ 1901 г.**
8. *Л. П. Бѣльскій:* **И. С. Никитинъ.**

Вышли въ свѣтъ:

Ѳ. Ѳ. Нелидовъ: **А. Н. Островскій и его дореформенные типы.** Цѣна 20 коп.

Прив.-доц. Н. И. Романовъ: **Донателло.** (Изъ исторіи итальянскаго искусства XV в.). Цѣна 20 коп.

Прив.-доц. А. А. Кизеветтеръ: **Первый общедоступный театръ въ Россіи.** Цѣна 20 коп.

С. П. Моравскій: **Людовикъ IX Святой.** Цѣна 20 коп.

Проф. П. Г. Виноградовъ: **Наканунѣ новаго столѣтія.** Цѣна 20 коп.

Книжные магазины Т-ва И. Д. Сытина:

въ Москвѣ: 1) у Ильинскихъ вор., д. Титова, 2) Никольская, домъ Заиконоспасскаго монастыря, 3) на Никольской, д. гр. Орлова-Давыдова; **въ С.-Петербургѣ,** Большая Садовая, № 25; **въ Кіевѣ,** Подолъ, Гостиный дворъ; **въ Варшавѣ,** Краковское предмѣстье, д. № 1; **въ Екатеринбургѣ,** Покровскій проспектъ, д. Поповичевой: **въ Одессѣ,** на углу Преображенской и Еврейской улицъ, д. Лѣтника, № 53; **въ Воронежѣ,** Московская улица; **въ Нижегородской ярмаркѣ,** на Шоссе.